

Д. А. Азере

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ ПУТЕВОГО ОЧЕРКА В. НЕКРАСОВА «ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО»

Институт Компаративистики Даугавпилсского университета, Латвия, Даугавпилс, ул. Виенибас, 13

Путевой очерк «оттепели» становится фактом, подтверждающим размыкание изолированных ранее полей. Перемещение путешественника из советского топоса за границу имеет целью объединение пространственной модели мира. В Некрасов выстраивает поле возникшего диалога, воссоздавая локусы частной жизни человека. В процессе освоения незнакомой реальности моделируется интровертное пространство, которое, взаимодействуя с внешним миром, по-новому структурирует его. В тексте «Первое знакомство» В. Некрасова воссоздана пространственная модель «раннеоттепельной» парадигмы. Библиогр. 21 назв.

Ключевые слова: Путевой очерк, «оттепель», разомкнутое, индивидуальное, интровертное, искренность, движение.

SPATIAL MODELS OF TRAVEL SKETCHES BY VIKTOR NEKRASOV

D. A. Azere

Institute of Comparative Studies, Daugavpils University, 13, Vienibas Street, Daugavpils LV-5401, Latvia

Travel sketches of the “thaw” confirm the fact of breaking formerly isolated fields. The traveler’s mobility from the soviet topos abroad aims to unite the spatial model of the world. The arising dialogue gives Nekrasov the basis to recreate the locus of human’s personal life. The introspective space is formed in the process of learning a new reality, which, while interrelating with the external world, builds its new structure. Refs 21.

Keywords: travel sketch, “thaw”, open-ended (broken), individual, introspective, sincerity, mobility.

Текст очерка В. Некрасова «Первое знакомство» возник на основе совершенного писателем путешествия по Италии в 1957 г. Известная переводчица, близкий друг Некрасова, Лилианна Лунгина вспоминала: «Сначала его впечатления были опубликованы в “Новом мире”, а потом изданы красивой книжкой с Викиными собственными рисунками тушью в качестве иллюстраций. Книга пользовалась большим успехом. По ней можно было составить представление о жизни по ту сторону железного занавеса» [1, с. 325]. «Оттепельные» травелоги становятся абсолютным открытием для человека советской страны, который благодаря этим текстам «открывал мир инациональных культур, и в этом была великая просветительская миссия писателей-путешественников» [2, с. 26].

«Оттепель» — культурно-историческое явление, связанное с коренными изменениями в парадигме сознания: жестко матрично мыслящего человека сменяет личность, способная критически переосмыслить факты истории, окружающий мир, место и роль человека в социуме. Принимая во внимание классическое определение: пространство и время воплощают «мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание и ритм жизни, отношение к вещам» [3, с. 84], сделаем вывод о том, что происходящие сдвиги в мировоззрении личности, сдвиги в культуре неизбежно влекут за собой изменения в системе пространственно-временных представлений [4, с. 15]. Фундаментальные преобразования постсталинского миропорядка прежде всего выражаются в преодолении замкнутой природы советского пространства, размыкании его границ. И несомненно, стремительное развитие путевого жанра в период «от-

тепели» (начиная с 1956 г. публикуются путевые заметки К. Паустовского, И. Эренбурга, В. Некрасова, В. Каверина, В. Аксенова, Б. Полевого и др.) напрямую связано с трансформацией советского культурного поля в целом. Текст путешествия становится художественным фактом — доказательством преодоления границ ранее изолированного пространства, вливается в общий поток движения, движения как антиномии статическому состоянию.

Динамика охватывает все уровни человеческого существования: от разрушения догматических рамок в сознании до внешнего физического перемещения в пространстве. Фундаментальная идея «оттепели» — построение нового гармоничного социализма — реализуется и через освоение необъятного чистого пространства, во второй половине 50-х годов XX в. в Советском Союзе происходит массовое переселение строителей будущего на просторы Сибири и Дальнего Севера, там, в суровом контексте природы и формируется образ нового советского человека. «На одной стороне непокорная стихия, на другой — молодость, задор, идеалы» [5, с. 178], — писал П. Вайль. В «оттепельной» парадигме категория движения предстает и как одна из форм свободы личности. Символично, что в общественном сознании актуализируется образ Хемингуэя, массово копируется внешний вид и модель поведения — человек с бородой и трубкой, в свитере грубой вязки уходит в пространство свободы — в море, горы, тайгу. Ю. Ким вспоминал: «Это тогда мы начали широко путешествовать — пешком, на байдарках, на лыжах... Происходило резкое переощущение пространства и времени, истории и человека в ней» [6, с. 383].

Но высочайшая степень интенсивности движения проявляется в «оттепельном» культурном диалоге, политическая изоляция и противостояние стран различной идеологии сменяются взаимным интересом; невозможно перечислить многочисленные факты функционирования текстов мировой культуры в «оттепельном» советском поле: гастроли зарубежных музыкантов, выставки западноевропейского изобразительного искусства, западный кинематограф, молодежная субкультура, западная мода и многое другое. Вместе с артистами, спортсменами, общественными деятелями и советские писатели получили возможность осваивать пространство, долгие годы определяемое как поле враждебной идеологии. Но в этом контексте важен не только факт прорыва в поле иной культуры, принципиально и то, что освоение незнакомого топоса происходит сквозь призму «оттепельного» мироощущения.

Выражая один из «жанрообразующих аспектов путешествия» [7, с. 314] — оппозицию «своего» и «чужого», в очерке «Первое знакомство» автор-путешественник, перемещаясь из советского мира в «несоветский», осваивает итальянский и парижский топосы. Процесс путешествия связан с преодолением границы, таможни, оформлением визы, хронологически регламентирующей пребывание писателя в «чужом» пространстве: «Пересечь границу 3 апреля, обратно — 24 апреля» [8, с. 18]. Путешественник оказывается вовлеченным в систему связей между отделенными друг от друга советским и заграничным полями.

Семантика разделенного мира усилена в системе героев итальянского топоса, среди которых можно выделить группу «бывших российских», теперь устремленных в советское пространство, но остановленных непреодолимой границей. «В Равенне... девушка, специально приехавшая за сто километров повидать земляка с Украины... вспоминала родные места, плакала и просила, чтобы я обязательно прислал ей шевченковский “Кобзарь” <...> Во Флоренции старушка, библиотекаряша обще-

ства «Италия — СССР»... тоже расчувствовалась и все расспрашивала, расспрашивала, расспрашивала» [8, с. 41–42]. И ситуация столкновения с антисоветской троицей в итальянской траттории: «Продали Россию. Загадили, запаскудили. Кровью залили...» [8, с. 45], и приведенные автором выдержки из белоэмигрантской газеты «Русская мысль» вскрывают категорию «идеологического» как доминанту пространственного разделения, обращенную и в прошлое (российское — советское), и в настоящее (советское — несоветское) — «Все связанное с Венгрией было еще свежо... осенью пятьдесят шестого года по Италии прокатилась волна антисоветских демонстраций» [8, с. 71].

Но между итальянским и советским топосами действуют и прямо противоположные силы притяжения; наконец, сам факт попадания советского путешественника за границу доказывает определенную степень преодоления замкнутости полей. Как пишет автор, целью поездки было «налаживание контактов», и потому факты взаимодействия разграниченных пространств оказываются несравненно более частотно воссозданными, чем ситуации противостояния. «Тяга к Советскому Союзу оставалась прежней. Мы ощущали это везде — и на конференциях, и просто на улицах, сталкиваясь с людьми» [8, с. 71]. Символ советского — паспорт, в контексте чужого пространства становится ключом к возникновению диалога: «...синяя книжечка открывала нам двери уже закрытых музеев, раза в два убыстряла и без того быстрое обслуживание в тратториях, рождала улыбки на обычно хмурых лицах привратниц и швейцаров» [8, с. 8].

Будучи включенным в состав официальной делегации общества «Италия — СССР», Некрасов упоминает контекст конференций, заранее оговоренных встреч, запланированных экскурсий: «Перед первой нашей конференцией я порядочно волновался. <...> я должен был выступать перед людьми, не знающими моего языка, живущими в чужой стране, перед людьми, образ мыслей которых мне незнаком и чей круг познаний о нашей стране тоже неизвестен» [8, с. 72]. Но истинным полем контактов, воссозданным автором-путешественником, становится не контекст программных выступлений, писатель переводит поле диалога в рамки частной беседы. «После конференции мы разговорились в коридоре. ...Расстались мы друзьями. ...Ни в Лазурный грот, ни на дачу Горького мы так и не попали. Зато мы видели ссору двух каприянок, которые вцепившись одна другой в волосы, лупили друг друга снятыми с ноги туфлями. ...но главное, мы ближе познакомились с Винченце» [8, с. 135].

Актуализирование многочисленных локусов частной жизни героев в «оттепельном» описании путешествия сравнимо с линией развития частного лица в советском травелогике конца 20-х годов. Но «сохранение официального подтекста у формально частного визита» [9, с. 146] доказывает, что советский путешественник «дооттепельного» периода оказывается вовлеченным в игру в частного человека. Путешественник «Первого знакомства» позиционирует себя как частное лицо, воспринимающее отдельно взятых итальянцев в их индивидуальном, приватном мире, и особенности такого восприятия определяемы именно «оттепельной» философией. Достоянием «оттепели» стал выход из коллектива отдельного человека: одной из центральных оппозиций «оттепельной» парадигмы была оппозиция таких категорий, как коллективное — индивидуальное. «Раннеоттепельная» парадигма представлена текстами, в которых чрезвычайно пристальное внимание обращено на индивида, в центре которых — конфликт героя и власти, обезличивающей человека лицемерными коллек-

тивными ценностями. Либеральный «Новый мир» и свободная от цензуры «Литературная Москва» публикуют «Не хлебом единым» В. Дудинцева, «Рычаги» А. Яншина, «Свет в окне» Ю. Нагибина, «Собственное мнение» Д. Гранина... Символично, что именно перечисленные тексты были в числе тех произведений, которые подверглись жесткой критике со стороны партийных идеологов на мартовском Пленуме Союза писателей в Москве в 1957 г. Категория индивидуального оставалась основополагающей на всем протяжении развития «оттепельной» культуры, например, в конце 1960 г. был подписан к печати текст А. Белинкова «Юрий Тынянов», посвященный «расползающимся во все стороны личностям» [10, с. 383]. Как нельзя лучше этот факт «комментирует» фраза самого Ю. Тынянова: «Эпоха всегда подбирает нужные ей материалы, но использование этих материалов характеризует только ее самое» [11, с. 22].

Некрасову интересны итальянцы в привычной, естественной для них реальности, как наиболее частотные в тексте путешествия представлены локусы трактории, семейного кафе, итальянского дома: «Это может быть самое интересное: сидеть вот так, в углу за столиком и слушать, наблюдать, потом и самому ввязаться, затеять с кем-нибудь спор...» [8, с. 82]. Семантика взаимодействия советского и итальянского топосов проявлена через возникновение связей частной природы, через выстраивание дружеских контактов с конкретными итальянцами — шофером Марчелло, писателем Карло Леви, гондольером Сильвано, извозчиком Винченце... «Подружились мы и с Орацио Барбьери... и с видным критиком Карло Салинари, и с молодым симпатичным Антонио Лавакки из Флоренции, и с миланцем Криппа ... и с веселыми, приветливыми римлянками Лизой Фоа и Ледой Предиери» [8, с. 196]. В контексте «оттепельной» символики дружеские отношения прочитываются как антиномия полностью дискредитировавшим себя общественным связям, в конце 50-х — начале 60-х годов свободный союз единомышленников выстраивает поле духовной свободы. Известные шестидесятники П. Вайль и А. Генис писали: «...дружба становится и сутью, и формой... жизни» [5, с. 69]. Уместно вспомнить «постоттепельный» текст Некрасова «Маленькая печальная повесть» — реестр утерянных «оттепельных» ценностей; повесть «печальна» и потому, что герой «забыл и пограл самое святое и возвышенное, что есть в жизни — дружбу» [12, с. 395].

Воссоздаваемые автором-путешественником линии взаимодействия «своего» и «чужого» на основе возникшего духовного единения актуализируют категорию «общечеловеческое», в «оттепельном» контексте, прежде всего в «раннеоттепельный» период, сосуществующую с идеологической категорией. Такое восприятие «оттепельным» путешественником «чужого» соотносимо с идейной основой советского «либерального путешествия» конца 20-х годов, в котором присутствует относительное признание ценности Другого [9, с. 247]. Но освоение «иного» сквозь призму «оттепельного» мироощущения не есть только принятие «взгляда другого» [13; 14]. Пространство, заявленное в описательном жанре путешествия второй половины 50-х годов как жизнеподобное, получает ярко выраженную эмоциональную характеристику: «...это было состояние сбывшегося чуда, огромной свежести, ощущение своей жизни внутри поэзии, внезапно ставшей реальностью» [15, с. 179]. И Некрасов в «Первом знакомстве» столь же экспрессивно описывает заграничный топос: «Париж... нет на свете человека, которому не нравился бы этот город... Итальянцы... нельзя не влюбиться в этот народ. Веселый, радушный, непосредственный,

вспыльчивый, нежный, грубовато-фамильярный, увлекающийся, часто наивный и очень красивый» [8, с. 81]. Выраженная в текстах категория модальности рассматривается современными исследователями как одна из текстообразующих универсалий. По мнению Н. Арутюновой, «то, что обозначает общеоценочный предикат имеет отношение к действительным свойствам объектов... к активному психологическому началу человека, к жизненной программе человечества» [16, с. 22–23]. Пространство внешнего мира оказывается субъективно переживаемо автором, изъято из реальности, становится полем авторской системы координат. «Ну как не полюбить Марчелло — всегда веселого, неунывающего, настоящего сына своего города! ... Поэтому я и назвал его имя, когда меня спрашивали, кто мне больше всего понравился в Италии. ...и на другой вопрос, какой город мне больше всего понравился, я отвечал: Флоренция. ...Просто мне удалось, как позднее в Париже, побродить по нему несколько часов в одиночестве» [8, с. 98]. Некрасов включает «чужой» топос в индивидуальную систему оценок, делая его «своим».

Необходимо отметить, что воссозданные автором локусы частной жизни героев итальянского топоса семантически питаемы и эстетикой неореализма, хорошо известного Некрасову: «В Италии мне все время казалось, что я встречаюсь с героями... “Рима в одиннадцать часов” или “Полицейского и вора”» [8, с. 66]. Неореализм, возникший как альтернатива иллюзорности американского кинематографа, стал прорывом в реальность, неореалисты выступали как хроникеры, рассказывающие о жизни своего народа, бедах простых итальянцев. М. Хуциев вспоминал: «Неореализм на мое поколение произвел глубокое впечатление обнаженностью человеческого бытия, сочувствием к людям, своим отношением к подлинной человеческой жизни — тяжелой, трагической, радостной, веселой» [17]. Символично, что именно за эту обращенность неореалистов к отдельному человеку в его камерном, часто бытовом пространстве советские критики, требующие наличия «общественной природы» героя, отвергали эстетику неореализма: «Слишком много внимания уделяется частным случаям. За кадром остается борьба рабочего класса, без отражения которой не может быть настоящего реализма» [18, с. 185].

Локус частного человека, выстроенная автором-путешественником система связей в мире у Некрасова оказываются подкрепленными дальнейшим движением «вглубь» — обращенностью к самому себе, своему внутреннему миру. Писатель воссоздает чрезвычайно дискретное описание внешнего мира, часто включая в текст авторские оценки, впечатления, воспоминания; происходит интересное совмещение структур описания и самоописания — взаимодействие экстравертной и интровертной пространственной природы. Автор вспоминает детство в Париже, ведет попутчиков маршрутом, сохраненным памятью, и топос Парижа, отобранный сознанием личности, «ставший структурообразующим ее сегментом» [19, с. 14], частью заслоняет реальное пространство города. Современные итальянцы и французы имеют прообразы первого итальянца и француза, встреченных автором на войне. Топос военного Сталинграда, выделенный путешественником как особо значимый (самые дорогие воспоминания), «вмещающий» и любимца всего батальона — веселого сицилийца Джулиано, проецирует на топос современной Италии особую семантику истинности, искренности авторского отношения. Герой из прошлого, уже любимый, «повторен» в новом сегодняшнем друге — Марчелло: «...мне как-то удивительно легко и просто с ним. Мы не поднимаем тостов друг за друга и за укрепление на-

шей дружбы — зачем, и так все ясно, — мы просто сидим вдвоем за прохладным столиком... и обоим нам почему-то весело» [8, с. 96]. Знакомство с культурным полем Парижа и Италии происходит сквозь призму уже накопленного культурного знания, усвоенных живописного, литературного, кинематографического образов. «Я вытащил все это из памяти. Оно застряло там, а когда вылезает наружу кажется знакомым... узенькие кривые улочки... одна из них оказалась Виа дель Карно, та самая, которую мы так полюбили, прочитав “Повесть о влюбленных”» [8, с. 100]. Происходит своеобразное «картирование пространства» [20, с. 98]: связывая сюжет, пространственную модель, выстроенные в художественном мире любимого произведения, с реальным местом парижского, итальянского топоса, путешественник по-новому структурирует это место, привнося семантику сформировавшегося в сознании образа.

Для Некрасова в освоении «чужого» топоса оказывается принципиальной категория «искренности», «не только как этическая, но и как эстетическая категория, приведшая к коренному изменению текстовой структуры... [возникновению] лирической прозы, синтетического жанра авторской песни, поэтического бума шестидесятых» [2, с. 29], в случае с путешественником из «Первого знакомства» приведшая к моделированию интровертного пространства.

Категория «искренности» как антиномия «лицемерия» стала одной из важнейших в «оттепельной» парадигме: коренные изменения в сознании человека второй половины 50-х годов выдвинули требование правды. Название повести В. Войновича «Хочу быть честным» было воспринято как пароль молодого поколения шестидесятых. «В обществе сменился культурный код... с оттепелью вошли ключевые слова “искренность”, “личность”, “правда”» [5, с. 237]. В отличие от дооттепельных «подцензурных путевых очерков — отчетов, лишенных, как правило, правдивого личностного содержания» [21, с. 7], текст путешествия Некрасова чрезвычайно искренне воссоздает «чужое» поле.

«Первое знакомство» В. Некрасова — текст «раннеоттепельной» парадигмы: в нем актуализированной оказывается идея объединения разрозненных топосов, выход путешественника из замкнутого ранее пространства, свободное перемещение по чужому полю доказывают возможность реализации этой идеи. Воссоздавая локусы быта, изображая встреченных героев в их приватном пространстве, путешественник поле возникшего диалога переводит в контекст частных отношений. Для автора принципиальной оказывается интровертная пространственная модель, оригинальным образом структурирующая внешнее пространство и позволяющая снять характерную оппозицию «своего» и «чужого». Отметим только, что рассмотренная нами пространственная модель мира в некрасовских травелогах «оттепельного» периода не оставалась неизменной, в путевых описаниях 60-х годов принципиально меняются пространственные параметры мира: если в «Первом знакомстве» основным вектором структуризации мира был вектор его объединения, то в текстах путешествия «позднеоттепельной» парадигмы функционирует сила разъединения, которая сопровождается процессом возникновения пространственных микромоделей с их тенденцией к замкнутости и изоляции; вновь актуализированная категория идеологического снимает идею единого мира, основой которого провозглашалась категория «общечеловеческое».

Формат статьи не позволяет рассмотреть пространственную модель целостного культурного мира. «Раннеоттепельное» сознание категорию культуры соединяло с идеей нового гуманистического социализма. В тексте «Первого знакомства» искренняя вера в возможности «социализма с человеческим лицом» в качестве модели будущего воссоздает целостное поле мировой культуры. В «позднеоттепельных» травелогах «По обе стороны океана» и «Месяц во Франции» эта пространственная модель не будет представлена.

Литература

1. Дорман О. Подстрочник. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 325 с.
2. Федоров Ф. Илья Эренбург и «оттепель» // «Atkusnis» kā padomju kultūras fenomēns. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais Apgāds «Saule», 2013. С. 23–35.
3. Гуревич А. Категории средневековой литературы. М.: Искусство, 1972. 84 с.
4. Федоров Ф. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 15 с.
5. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: НЛО, 1998. 178 с.
6. Ким Ю. Я сердце оставил в синих горах. М.: Физкультура и спорт, 1987. 383 с.
7. Гуминский В. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 314.
8. Некрасов В. Первое знакомство. М.: Советский писатель, 1960. 18 с.
9. Понамарев Е. Р. Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения: 05. 08. 2014).
10. Белингов А. Юрий Тынянов. М.: Советский писатель, 1965. 383 с.
11. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. 12 с.
12. Некрасов В. Маленькая печальная повесть // Некрасов В. Записки зеваки. М.: СЛОВО, 1991. С. 385–434.
13. Тиме Г. Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы) // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: сб. ст.: пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 235–246.
14. Тиме Г. А. Путешествие Москва — Берлин — Москва. Русский взгляд другого. 1919–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 168 с.
15. Паустовский К. Избранное. М.: Московский рабочий, 1961. 179 с.
16. Арутюнова Н. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики: 1982. М.: Наука, 1984. С. 5–25.
17. Хуциев М. Росселини и я. URL: kinoart.ru/archive/2003/11/n11-article20 (дата обращения: 24. 02. 2014).
18. Кедрин З. Главное — человек: Некоторые черты современного реализма. М.: Советский писатель, 1972. 406 с.
19. Федоров Ф. Мемуары как проблема // Мемуары в культуре русского Зарубежья. М.: Флинта, Наука, 2010. С. 5–22.
20. Абашев В., Фирсова А. План местности: литература как путеводитель // Вестн. Пермск. ун-та. 2010. Вып. 4 (10). С. 98–104.
21. Тиме Г. О феномене русского путешествия в Европу. Генезис и литературный жанр // Русская литература. 2007. № 3. С. 3–18.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Азере Дина Агровна — магистр русской филологии, докторант; dinaazere@inbox.lv

Azere Dina — Master of Arts in Russian Philology, PhD candidate; dinaazere@inbox.lv